

не—Томпсона, что облегчает пользование источником.

29 коми народных песни сопровождаются нотами. Магнитофонные записи песен расшифрованы и нотированы Марией Домокош.

Если ранее изданные зарубежные публикации по коми фольклору появлялись на венгерском и немецком языках, то сейчас впервые читатель может основательно познакомиться с устным творчеством народа коми на английском языке.

У рецензента есть замечания. Во-первых, название «Zyrian Folklore Texts» не соответствует содержанию сборника. В книге, кроме коми-зырянских текстов, на 87 с. приводится коми-пермяцкий фольклор. Как известно, коми-пермяки никогда себя не смешивали с коми-зырянами. Сборник следовало бы назвать «Komi Folklore Texts».

Во-вторых, в некоторых случаях коми диалектные слова неточно транскрибированы: на с. 74 вместо *kiččę* должно быть *kiččę*, на с. 308 вместо *lohta* должно быть *loktę*. На с. 66 в фразеологическом выражении № 6 пропущено слово *va* 'вода': вместо *pur viliš kojem* должно быть *pur viliš va kojem*. Перевод верен: It is like bailing water from a raft. На с. 146 заставка № 26 повторяется дважды.

В целом же перед нами работа, в которую вложено много усердного труда и дарования. Появление сборника — примечательное событие в финно-угроведении. Не меньше и его общественная значимость — ничто не связывает ученых разных стран и народов так крепко и последовательно, как взаимное изучение и обогащение их культурного наследия.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1980.1.17>

Х. А. Метсланг, Некоторые синтаксические аспекты стихового параллелизма в эстонской рунической песне. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Таллин 1978.

18 декабря 1978 года в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита кандидатской диссертации младшим научным сотрудником Института языка и литературы АН ЭССР Х. Метсланг по теме «Некоторые синтаксические аспекты стихового параллелизма в эстонской рунической песне». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук доцент М. Мягер (Таллин). Исследование выполнено под руководством доктора филологических наук профессора Х. Рятсепа в Институте языка и литературы АН ЭССР.

Работа Х. Метсланг (вместе с приложением 307 с.) как по содержанию, так и по форме представляет собой солидное исследование. Она состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и списка литературы. Цель автора — выяв-

ление наиболее характерных синтаксических закономерностей параллелизма.

Для выявления структуры и общих закономерностей параллелизма автором проработан обширный материал — 4500 групп параллелизма, начинающихся с главного стиха. Все три рассматриваемых жанра песни — эпические песни, песни о певце и песне, свадебные песни — равно представлены 1500 стихами, территориальное распределение которых также равномерно. Выбор жанров следует считать удачным, ибо известно, что параллелизм встречается в них с разной частотой. Синтаксическая поверхностная структура анализируется в 981 группе параллелизма, а анализ информационной структуры проводится на основании 1023 групп. Использование такого обширного материала исключает возможность выпадения из поля зрения какого-нибудь типичного признака параллелизма. Скорее наоборот — материал достаточен и для того, чтобы сделать достоверные выводы о спе-

дифических чертах жанров песни. Сопоставление песен Каркси с общеэстонскими показателями помогает выявить локальные особенности параллелизма, рассматриваются даже индивидуальные черты параллелизма песен одной певицы (Май Капрал).

Детальная методика исследования в большей части выработана автором на основании достижений структуральной лингвистики. Учтены также положения стилистики, фольклористики, семиотики, теории информации и психолингвистики. Свои утверждения Х. Метсланг проверила с помощью статистических методов, что увеличивает достоверность выводов.

Первая глава «Параллелизм как объект лингвистического изучения» (с. 14—60) имеет общий характер. Здесь приводится определение параллелизма в эстонской фольклористике. В изложении автора оно имеет следующий вид: «Параллелизм является конститутивным приемом в эстонской рунической песне, группирующим последовательные стихи в комплексное целое — группу параллелизма» (с. 14). Следует отметить, что это определение по формулировке близко тому, которое приведено в «Eesti rahvalaulud» VI (Tallinn 1974, с. 24). Автор выделяет параллелизм синонимии и параллелизм аналогии. Возникает вопрос, почему не учитывается третья возможность — смешанный тип, существование которого нужно предполагать на основании данных вышеупомянутого издания (с. 26).

Далее излагаются принципы стилевой лингвистики. Отмечается, что в соответствии с конституцией язык существует в виде многочисленных подтипов, исследование которых занимается стилевая лингвистика. Буквальное толкование параллелизма нелепы, например, в случае топонимов *Ta läks murrelde Mohuse, kõverite läks Kõinaste, rudjus Ruhnumaa viluse*. Автор правильно подчеркивает, что в подобных случаях текст дает информацию не о реальном мире, а о сформированном на его основе поэтическом мире. Три топонима обозначают просто какое-то отдаленное место как поэтическое обобщение.

Как известно, использование языка в поэтических структурах с точки зрения семиотики подробно рассматривалось

Ю. М. Лотманом. С его работами в достаточной мере знаком и автор. Х. Метсланг считает группу параллелизма иконическим знаком простейшего строения, форму которого составляют объединенные при помощи определенных признаков стихи с сопоставляемыми значениями. Абстрактные значения в мышлении певца и языковой системе могут проявляться в виде повторяющихся конкретных лексем. Вообще, вторичный язык образуется из первичного в процессе коннотации. Отношения эквивалентности, свойственные парадигматике естественного языка, во вторичном языке переведены в синтагматику.

При изложении основных черт развития параллелизма автор опирается на исследования В. М. Жирмунского и др. В агглютинирующих языках из-за похожих флексий синтаксический параллелизм часто сопровождается грамматической рифмой, из которой могла возникнуть сначала случайная, а затем и каноническая рифма. При упоминании прибалтийско-финского праязыка следует вслед за автором подчеркнуть, что возникновение рунического стиха относится уже к тем далеким временам. Выдвинутое в свое время положение К. Крона о том, будто вепсы никогда не знали рунического стиха, устарело, так как следы рунического стиха там в рудиментарном виде проявляются и в настоящее время.

Вполне обоснованно честь первого структурного исследования параллелизма прибалтийско-финского рунического стиха приписана В. Штейницу (*Der Parallelismus in der finnisch-karelischen Volksdichtung, untersucht an den Liedern des karelischen Sängers Arhippa Perttunen, Helsinki 1934 (Folklore Fellows Communications 115)*). По мере надобности Х. Метсланг использовала это исследование, но для выявления особенностей развития эстонского рунического стиха, в том числе и параллелизма, в дальнейшем следует обратиться к еще более последовательным сопоставлениям с финским языком. Самобытный финский стих может еще состоять из двух длинных слов, тогда как общая тенденция эстонского языка, ведущая к сокращению, повлекла за собой увеличение числа вставных слов. Для лингвиста здесь открывается интересная тема, ибо со временем изменилась и синтаксическая структура стихов.

Основную часть работы составляют вторая и третья главы. Во второй главе «Анализ синтаксической поверхностной структуры» (с. 61—108) автор ставит перед собой цель выявить в рамках стиха модели и принципы построения основных простых предложений эстонского языка (частей сложносочиненного предложения), а также способы соединения их в звену, синтаксическую эквивалентность между параллельными стихами как частями сложносочиненного предложения, стилиевые маркеры и их зависимость от стилиевых стимулов.

Описание стихов по иерархии зависимостей их синтаксических элементов здесь во всех отношениях целесообразно. В качестве элементов стиха не учитываются лишь те элементы в предложении, которые не функционируют самостоятельно на уровне синтаксиса предложения, а являются более низкими (вспомогательные глаголы, наречия, предлоги и послелог) или более высокими (слова, распространяющие целое предложение; междометия; слова, служащие только для связывания предложений). Центральным узлом предложения в эстонском языке, как вообще во многих европейских языках, является вербальный узел. По этой причине вершину дерева зависимостей занимает глагол-сказуемое, который с помощью структуры управления соединяет подчиняющиеся ему элементы. На основе дерева зависимостей элементы предложения распределяются по горизонтальным уровням.

Для описания структуры параллельных стихов используются формулы, в которых цифры (1, 2, 3) обозначают функциональную особенность разных уровней. В качестве примера описания структуры общей и особой модели на с. 164 среди прочих приведен стих *Sinnä na tapi naise noore /122(32)/ /122(k2)/' /122(k2)/'*.

Однако поскольку за повторяющейся цифрой 2, обозначающей второй уровень, могут скрываться в качестве непосредственных распространителей глагола разные члены предложения (подлежащее, дополнение, обстоятельство, именная часть сказуемого) или, иными словами, в качестве основных компонентов ситуации выступают как актанты (агент, реципиент), так и циркумстанты (способ, состояние, исходная точка, цель, качество, количество и

т. д.), возникает вопрос — не является ли подробнее не ограниченная цифра 2 слишком обширной по объему, предоставляя лишь приблизительную информацию. Правда, в работе выясняется, что из членов предложения на втором уровне чаще всего встречается подлежащее, далее следуют обстоятельство, дополнение, обращение и именная часть сказуемого, но, не имея возможности сравнить формулу со стихом, мы не можем выснить и точного его состава. По мнению рецензента, для большей точности в формулах можно было бы использовать и буквенные сокращения (ср. H. Rätsep, *Eesti keele lihtlausete tüübid*, Tallinn 1978 (ENSV TA Emakeele Seltsi Toimetised 12)).

В общем же описание структуры главного и послестиха и их отношений выполнено систематично и корректно. То же можно сказать и о других частях главы, в которых рассматриваются динамичность и стабильность элементов вместе с соответствующими коэффициентами, пары параллелизма аналогии в целом, группы параллелизма, а также параллелизм в разных группах песни.

Третья глава «Анализ инфоструктуры» (с. 109—177) знакомит читателя с областью, которой языковедение занимается относительно недолго.

Под инфоструктурой автор понимает аспект построения предназначенной для языковой коммуникации единицы текста, который приспособляет ее для передачи информации. При рассмотрении стиха и инфоструктуры параллелизма Х. Метсланг опирается на положения представителей пражской школы (Я. Фирбас, Э. Бенеш, Ф. Данеш) и других известных структуралистов, по мере надобности развивая их. В вопросах информационной структуры, особенно при рассмотрении сущности языковых явлений и интерпретации их качественного и структурного единства и различия, еще нет достаточной ясности. Автор пытается именно в этих аспектах расширить понимание информационной структуры.

При трактовке передачи и приема информации автор исходит из общего принципа соединения определенного с неопределенным. Создание вторичных парадигм в параллелизме рассматривается как передача вторичной информации. Поскольку в тексте происходит сравнение последующего с предыдущим и наоборот, элементы

парадигм одновременно являются как определенными, так и неопределенными, как тематическими, так и рематическими. Возникающие в параллелизме вторичные парадигмы рассматриваются в качестве личных сообщений.

Поскольку главный стих содержит основные моменты грамматического строения и его исходные точки для вторичных парадигм, то и информация главного стиха является первичноязыковой. Передача вторичной информации начинается с добавления послестиха к главному стиху. Первичную информацию послестиха дает лишь в той мере, в которой ее требует вторичная информация. Закономерности информационной структуры, обуславливающие построение параллелизма, в работе полностью выявлены. Многие стороны инфоструктуры параллелизма рассматриваются отдельно с точки зрения разных типов песни. Так, в эпических песнях тематические и рематические элементы дифференцируются более четко, чем в других

рассматриваемых типах. Некоторые особенности имеют также песни из Каркси и песни Май Капрал, прежде всего в части варьирования компонентов ситуации. Все эти особенности автором показаны наглядно.

И в этой главе анализ обширного материала и выводы сведены в формулы. Дополнительный материал предлагают помещенные в приложении таблицы.

В заключении (18 с.) подводится итог результатам анализа. Выводы возражений не вызывают.

Работа свидетельствует о том, что Х. Метсланг глубоко знает исследуемый материал и разработала необходимую для его анализа методику. Результаты исследования представляют интерес не только для эстонского и финно-угорского языкознания, но и для общего языкознания и, естественно, для фольклористики и литературоведения.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

Я. А. Глухий, Консонантизм энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1976.

24 ноября 1978 г. на заседании Специализированного совета Д 002.17.04 по присуждению ученой степени доктора наук при Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР старший преподаватель Томского государственного педагогического института Я. А. Глухий успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Консонантизм энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным». Работа выполнена в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (далее: ЛЭФИ) под руководством доктора филологических наук профессора Е. И. Убрятовой при консультировании заведующим лабораторией В. М. Наделяевым. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Л. В. Бондарко и кандидат филологических наук доцент М. Я. Бармич. Ведущим научным учреждением, давшим

заключение по диссертации, был Тартуский государственный университет (кафедра финно-угорских языков).

Я. А. Глухий выполнил свою работу в рамках темы «Фронтальное экспериментально-фонетическое исследование звуковых систем народов Сибири и отдельных регионов», осуществляемой в течение ряда лет в ЛЭФИ под руководством и по методике В. М. Наделяева. Как известно, еще А. П. Дульзон выступал за развертывание широкого фонетического исследования самодийских языков с целью дальнейшего применения фонетических данных в различных обобщениях лингвистического и исторического характера для решения проблемы происхождения аборигенов Сибири и их языков. В частности, еще при его жизни Я. А. Глухий и В. А. Сусеков начали сбор и первичную обработку материалов по диалекту бай энецкого языка. Теперь определенный этап их исследовательской работы завер-